

Мани Генрих

Верноподданный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г34

Г34 **Генрих М.**
Верноподданный / Манн Генрих – М.: Книга по Требованию, 2022. – 250 с.

ISBN 978-5-519-95328-3

ISBN 978-5-519-95328-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТОМЪ ПЕРВЫЙ²⁰

ВЛАСТЬ.

I.

Дидрихъ Гесслингъ былъ вялый, мечтательный, робкій и болѣзненный ребенокъ. Зимой онъ неохотно разставался съ теплою комнатою, лѣтомъ—съ тѣснымъ садикомъ, въ которомъ всегда стоялъ запахъ тряпья отъ бумажной фабрики, а надъ ракитовыми и сиреневыми кустами возвышались деревянныя строенія старыхъ домовъ. Поднимая глаза отъ излюбленной книги сказокъ, Дидрихъ часто вздрагивалъ отъ испуга. Рядомъ съ нимъ на скамьѣ сидѣлъ кротъ, величиной въ половину его самого! Онъ видѣлъ его совершенно ясно! Или-же напротивъ, у стѣны, высовывался по грудь изъ земли гномъ и поглядывалъ въ его сторону!

Страшнѣе крота и гнома былъ отецъ, и къ тому же его надо было любить. Дидрихъ любилъ его. Когда ему случилось тайкомъ полакомиться или солгать, онъ до тѣхъ поръ, ластясь и робко заглядывая отцу въ глаза, терся у письменнаго стола, пока господинъ Гесслингъ не догадывался, что что-то неладно, и не снималъ со стѣны трости. Каждый невышедшій наружу проступокъ примѣшивалъ къ преданности и довѣрью Дидриха сомнѣнiе. Когда разъ отецъ, прихрамывавшій на одну ногу, упалъ съ лѣстницы, сынъ какъ безумный захопалъ въ ладони, послѣ чего сейчасъ же убѣжалъ.

Когда, послѣ наказанiя, онъ съ распухшимъ лицомъ, всхлиывая, проходилъ мимо мастерскихъ, рабочiе смѣялись. Но Дидрихъ сейчасъ же показывалъ имъ языкъ и топалъ ногой. Онъ зналъ, кто онъ: „Это мой папа! Вы были-бы рады, если бы могли тоже получать отъ него побои. Но для этого вы слишкомъ ничтожны“.

Онъ держалъ себя съ ними, какъ капризный паша; то грозилъ донести отцу, что они во время работы распиваютъ пиво, то ломаясь позволялъ задабривать себя и сообщалъ имъ, въ которомъ часу вернется господинъ Гесслингъ. Они были на-сторожѣ передъ хозяиномъ: онъ зналъ ихъ, онъ самъ работалъ. Онъ былъ мастеромъ на старыхъ фабрикахъ, гдѣ каждый листъ выдѣлывался руками; въ промежуткахъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ и послѣ самой послѣдней, когда деньги плыли въ руки каждому, оказался въ состояніи купить бумажный прессъ. Машинна для перемола тряпья и машина для рѣзки дополнили обзаведеніе. Онъ самъ пересчитывалъ листы. Ни одна срѣзанная съ тряпья пуговица не смѣла пропасть у него. Его маленькому сыну женщины часто совали въ карманъ цѣлую пригоршню ихъ, чтобы онъ не доносилъ, когда онѣ утаивали пуговицы. Въ одинъ прекрасный день у него оказалось ихъ такъ много, что онъ напалъ на мысль обмѣнять ихъ у разносчика на конфеты. Это удалось; но вечеромъ, догрызая послѣдній леденецъ, Дидрихъ сталъ на колѣни въ своей постели и, дрожа отъ страха, принялся молиться грозному Боженькѣ, чтобы онъ не далъ преступленію открыться. Тѣмъ не менѣе оно открылось. У отца, который всегда билъ его методически, съ дѣловитымъ, проникнутымъ сознаніемъ долга выраженіемъ обвѣтреннаго унтеръ-офицерскаго лица, на этотъ разъ дрогнула рука, и въ серебрястую щетинистую бороду скатилась, прыгая по морщинамъ, слеза.

— Мой сынъ укралъ,—глухимъ голосомъ сказалъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе и оглядывая ребенка, точно какого-то подозрительнаго пришельца.—Ты обманываешь и крадешь. Тебѣ остается еще только убить человѣка.

Госпожа Гесслингъ хотѣла заставить Дидриха упасть на колѣни передъ отцомъ и просить у него прощенія: вѣдь отецъ плакалъ изъ-за него! Но инстинктъ подсказалъ Дидриху, что это только еще больше разсердило бы отца. Къ сентиментальнымъ выходкамъ жены Гесслингъ относился очень неодобрительно. Она портила ребенка, дѣлала его непригоднымъ

для жизни. Къ тому же онъ точно такъ-же ловилъ ее на лжи, какъ Диделя. Да и не удивительно: вѣдь она читала романы! Въ субботу вечеромъ работа, данная ей на недѣлю, сплошь да рядомъ оказывалась несдѣланной. вмѣсто того, чтобы хлопотать по хозяйству, она сплетничала со служанкой... Все это было фактомъ; а Гесслингъ еще не зналъ, что его жена лакомилась въ тихомолку, точь-въ-точь, какъ мальчикъ. За столомъ она не смѣла ѣсть досыта, зато потомъ украдкой пробиралась къ шкапу. Если бы у нея хватало смѣлости ходить въ мастерскую, она тоже крала бы пуговицы.

Она молилась съ ребенкомъ своими словами, а не по заученнымъ формуламъ, и при этомъ щеки у нея разгорались. Когда она била его, то дѣлала это изо всей силы, и лицо ея искажалось отъ желанія мести. При этомъ она часто бывала неправа. Тогда Дидрихъ грозилъ ей, что пожалуется отцу, дѣлалъ видъ, будто идетъ въ контору, и радовался, притаившись за стѣной, что она теперь сидитъ и дрожитъ. Минуты нѣжности, находившія на нее, онъ всегда умѣлъ использовать; но онъ не питалъ къ матери никакого уваженія. Этому препятствовало ея сходство съ нимъ. Самого себя онъ совершенно не уважалъ, для этого совѣсть его была слишкомъ нечиста, и онъ чувствовалъ, что жизнь его не могла быть оправдана передъ лицомъ Господа.

Однако, въ сумерки они проводили вмѣстѣ немало сентиментально-поэтическихъ минутъ. Въ праздники они пѣли, играли на роялѣ и рассказывали другъ другу сказки, создавая мечтательное настроеніе. Когда Дидрихъ началъ сомнѣваться въ младенцѣ Христѣ, мать уговорила его вѣрить еще немножко, и, облегченный этимъ, онъ чувствовалъ себя благочестивымъ и хорошимъ. Упорно вѣрилъ онъ и въ привидѣніе, жившее на горѣ, въ замкѣ. Отецъ, не хотѣвшій и слышать объ этомъ, казался ему слишкомъ гордымъ, почти достойнымъ наказанія. Мать питала его сказками. Она передала ему свой страхъ передъ новыми, оживленными улицами и ходившей по нимъ конкой и водила его черезъ валъ въ замокъ, гдѣ они наслаждались пріятной жутью.

Когда разъ мать оставила тамъ мальчика на полчаса одного, Дидрихъ увидѣлъ на кучѣ камней человѣка въ какомъ-то необыкновенномъ плащѣ, въ мѣховой шапкѣ, со смуглымъ лицомъ и длинными сѣдыми волосами и бородой. Старикъ раскатиисто крикнулъ: „Эй, ты, мальчуганъ, поди-ка сюда!“—и это никогда неслыханное „Эй, ты, мальчуганъ“, этотъ голосъ и внѣшность заключали въ себѣ столько невѣдомыхъ опасностей, что Дидрихъ съ крикомъ изъ всѣхъ силъ пустился на утекъ на своихъ черезчуръ толстыхъ ножкахъ. Сообща съ г-жей Гесслингъ они рѣшили, что это былъ цыганъ, подстерегавшій маленькихъ дѣтей, чтобы похитить ихъ.

Цыганъ больше не показывался. Но каждый день на углу ближайшей улицы надо было пройти мимо городского, который, если хотѣлъ, могъ отвести въ тюрьму! Даже папа кланялся ему! Сердце Дидриха сильно билось; какъ охотно онъ обошелъ бы его подальше! Но тогда городской узнаетъ, что у него совѣсть нечиста, и схватить его. Наоборотъ, надо было доказать, что онъ чувствуетъ себя чистымъ и невиннымъ;—и Дидрихъ дрожащимъ голосомъ спрашивалъ городского, который часъ.

II.

Послѣ столькихъ грозныхъ силъ, власть которыхъ приходилось чувствовать надъ собой, послѣ сказочныхъ кротовъ, отца, Бога, замковаго призрака, дикаго человѣка и полиціи, послѣ трубочиста, который могъ схватить, протащить сквозъ трубу и превратить въ такого-же чернаго человѣка, какъ онъ самъ, и доктора, который могъ смазать горло и трясти, когда кричали,—послѣ всѣхъ этихъ силъ Дидрихъ подпалъ подъ власть еще болѣе грозной, поглощающей разомъ и цѣликомъ, силы: этой силой была школа.

Дидрихъ вошелъ въ нее съ плачемъ и не могъ отвѣтить даже того, что зналъ, такъ какъ рыданія не давали ему говорить. Мало-по-малу онъ научился извлекать изъ своей слез-

ливости пользу, давая ей волю именно тогда, когда не зная уроковъ—не смотря на весь свой страхъ, онъ не становился ни болѣе прилежнымъ, ни менѣе склоннымъ къ мечтательности—и такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока учителя не разглядѣли его системы, не разъ счастливо избѣгаль дурныхъ послѣдствій. Къ первому, который разглядѣлъ ее, онъ почувствовалъ глубочайшее уваженіе; онъ вдругъ затихъ и, все еще продолжая закрывать рукавомъ лицо, смотрѣлъ на него съ робкой преданностью. Строгимъ учителямъ онъ всегда былъ преданъ и покоренъ, добродушнымъ же устраивалъ маленькія пакости, въ которыхъ его трудно было уличить, и которыми онъ не хвасталъ. Съ гораздо большимъ удовольствіемъ говорилъ онъ объ опустошеніяхъ въ журналахъ, о грозной расправѣ съ учениками. За обѣдомъ онъ рассказывалъ:

— Сегодня господинъ Бенеке опять высѣкъ троихъ.

И если спрашивали, кого, то неизмѣнно отвѣчалъ:

— Первый былъ я.

Ужъ такая была у него натура, что принадлежность къ безличному цѣлому, къ этому неумолимому, презирающему людей механическому организму, которымъ была гимназія, дѣлала его счастливымъ, что власть, эта холодная власть, въ которой онъ самъ участвовалъ, хотя бы и въ качествѣ страдающаго лица, составляла его гордость.

Въ день рожденія класснаго наставника кафедру и доску украсили гирляндами. Дидрихъ обвинялъ даже трость—что не помѣшало ему радостно засмѣяться, когда чествуемый споткнулся объ одну изъ гирляндъ.

Въ теченіе лѣтъ ему пришлось быть свидѣтелемъ двухъ катастрофъ, разразившихся надъ облеченными властью и наполнившихъ его священнымъ и сладостнымъ ужасомъ. Одного изъ младшихъ учителей директоръ передъ всѣмъ классомъ распекъ и уволилъ. Одинъ изъ старшихъ учителей сошелъ съ ума. Такъ ужасно еще болѣе высокія силы—директоръ и домъ умалишенныхъ—расправлялись съ тѣми, кто до сихъ поръ имѣлъ такую власть. Снизу Дидрихъ, маленькій, но

невредимый, созерцалъ трупы и извлекалъ изъ нихъ поученіе, смягчавшее его собственное положеніе.

Ту власть, механизмъ которой зажалъ его между своими зубцами, Дидрихъ любилъ изображать передъ своими младшими сестрами. Онъ должны были писать подъ его диктовку и дѣлать нарочно еще больше ошибокъ, чѣмъ выходило само собой, чтобы онъ могъ черкать вволю красными чернилами и наказывать виновныхъ. А наказывалъ онъ жестоко. Малютки кричали—и Дидриху приходилось унижаться, чтобы онъ не пожаловались на него.

Чтобы подражать облеченнымъ властью, ему не нужны были люди; съ него достаточно было животныхъ, даже вещей. Онъ стоялъ у края машины для перемола тряпья и смотрѣлъ, какъ барабанъ выбивалъ лохмотья.

— Вотъ тебѣ! Посмѣйте-ка еще разъ! Сволочь!—бормоталъ Дидрихъ, и его блѣдые глаза сверкали. Вдругъ онъ съежился и чуть не упалъ въ чанъ съ хлоромъ. Шаги приближающагося рабочаго оторвали его отъ его гнуснаго наслажденія.

Вообще, въ такихъ случаяхъ его легко было испугать, потому что въ глубинѣ души ему всегда бывало немножко не по себѣ.

Вполнѣ спокойнымъ онъ чувствовалъ себя только тогда, когда побои доставались ему самому. Только тогда у него было сознаніе, что все такъ, какъ должно быть. Онъ почти никогда не сопротивлялся. Самое большее—онъ просилъ товарища: „Только не по спинѣ, это нездорово“.

Не то, чтобы у него не было сознанія своего права и любви къ собственной выгодѣ. Но Дидрихъ считалъ, что побои, которые онъ получалъ, не приносятъ бьющему никакой практической выгоды, а ему самому не наносятъ никакого реального ущерба. Серьезнѣе, чѣмъ къ этимъ идеальнымъ цѣностямъ, отнесся онъ къ трубочкѣ съ битыми сливками, которую оберъ-кельнеръ „Недигскаго двора“ давно обѣщалъ, но все не давалъ ему. Дидрихъ безчисленное количество разъ съ самымъ серьезнымъ видомъ совершалъ дѣловое путешествіе

къ ресторану, чтобы напомнить своему другу во фракъ его общаніе. Но когда въ одинъ прекрасный день тотъ совсѣмъ отрекся отъ своего обязательства, Дидрихъ, искренно возмущенный, топнулъ ногой и заявилъ:

— Ну, съ меня довольно! Если вы сейчасъ не сдѣлаете, какъ общались, я скажу вашему хозяину!

Тогда Жоржъ расхохотался и принесъ трубочку.

Это былъ осязаемый успѣхъ. Къ сожалѣнію, Дидрихъ, могъ насладиться имъ только второпяхъ и въ тревогѣ, такъ какъ приходилось опасаться, что Вольфгангъ Букъ, ожидавшій на улицѣ, можетъ каждую минуту придти и потребовать общанной доли. Однако, онъ все-таки успѣлъ хорошенько вытереть губы, а за дверью разразился сильной бранью на обманщика Жоржа, который такъ и не далъ трубочки. Чувство справедливости Дидриха, только что такъ могуче проявившееся, когда дѣло шло о его пользѣ, молчало передъ притязаніями другихъ. Однако, подавить ихъ грубой силой, какъ ни слабъ былъ на видъ маленькій Букъ, казалось ему невысказаннымъ: для этого старый господинъ Букъ былъ слишкомъ внушительной личностью. Онъ не носилъ крахмальныхъ воротниковъ; шея его была повязана бѣлымъ шелковымъ галстухомъ, надъ которымъ выступали длинные бѣлые усы. Какъ медленно и величественно переставлялъ онъ по мостовой свою трость съ золотымъ набалдашникомъ! И при этомъ онъ носилъ цилиндръ, а изъ-подъ пальто у него часто, среди бѣла дня, виднѣлись полы фрака. Онъ участвовалъ во всевозможныхъ засѣданіяхъ, онъ принималъ къ сердцу всѣ городскія дѣла. О баняхъ, о тюрьмѣ, обо всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ Дидрихъ думалъ: „Это господина Бука“. Онъ долженъ былъ быть необыкновенно богатъ и могущественъ. Всѣ, въ томъ числѣ и господинъ Гесслингъ, при встрѣчѣ съ нимъ торопливо снимали шляпу. Отнять что-нибудь у его сына силой было бы поступкомъ, чреватымъ неисчислимыми опасностями. Чтобы не быть окончательно раздавленнымъ могучими силами, которыя онъ такъ почиталъ, Дидрихъ долженъ былъ поступать осторожно и хитро. Однажды во время пе-

ремѣны его остановилъ ученикъ, бывшій двумя классами старше его и принадлежавшій къ самымъ сильнымъ въ школѣ. Не говорилъ ли Дидрихъ о немъ, что ему на завтракъ даютъ не кофе, а пустой супъ? Дидрихъ и въ самомъ дѣлѣ совершилъ эту неосторожность; однако, ему удалось скрыть свой испугъ.

— Я этого не говорилъ,—искренно сказалъ онъ.

Мальчикъ опустилъ поднятую руку; тогда въ головѣ у Дидриха прояснилось. Кротно и разсудительно онъ замѣтилъ:

— Можетъ быть, это былъ Готлибъ Горнунгъ, онъ похожъ на меня!

И Дидрихъ могъ поздравить себя съ этой столь своевременно явившейся идеей, потому что Готлибъ Горнунгъ былъ безпощадно избитъ.

Разъ только, уже въ одномъ изъ послѣднихъ классовъ, случилось, что Дидрихъ забылъ всякую осторожность, дѣйствовалъ наудачу и превратился въ упоеннаго побѣдой угнетателя. Онъ дразнилъ единственнаго въ классѣ еврея, что было самымъ обычнымъ и почтеннымъ дѣломъ; однако, на этотъ разъ обычныхъ словъ и ругательствъ показалось ему мало, и онъ перешелъ къ совершенно необыкновеннымъ дѣйствіямъ: изъ дощечекъ, служившихъ для рисованія, онъ соорудилъ на каедрѣ крестъ и поставилъ жида передъ нимъ на колѣни. Онъ крѣпко держалъ его, несмотря на сопротивленіе; онъ былъ силенъ! Сильнымъ дѣлало его одобреніе вокругъ, толпа, изъ которой протягивались на помощь къ нему руки, побѣдоносная толпа въ стѣнахъ зданія и за ними. Вѣдь въ его лицѣ дѣйствовало все христіанское населеніе Нецига! Какъ легко было на душѣ отъ сознанія, что отвѣтственность падаетъ не на тебя одного, какъ хорошо было сознавать свою силу и въ то же время чувствовать, что ты—только частица коллектива!

Правда, когда хмель прошелъ, появился легкій страхъ, но лицо перваго же учителя, встрѣтившагося Дидриху, вернуло ему все мужество: оно было полно смущеннаго благоволенія. Остальные выражали ему открыто свое одобреніе. Дидрихъ улыбался имъ смиренной, понимающей улыбкой. Съ тѣхъ поръ ему стало легче житься. Классъ не могъ отказать въ